

Веч. клуб - 1998 - 9 апр. - с. 11

Людмила ЗЫКИНА

БЫЛИ

И НЕБЫЛИЦЫ

В издательстве "Новости" только что вышла в свет книга народной артистки СССР Людмилы Зыкиной "Течет моя Волга...". Певица рассказывает в ней о своем творческом пути, большой раздел составляют рассказы о выдающихся деятелях отечественной культуры. Вниманию читателей "ВК" мы предлагаем фрагменты одной из глав этой книги.

"ХОРОШО ЕЩЕ, ЧТО ПОДОБРАЛИ МНЕ МОЛОДУЮ, ДА ЕЩЕ ЗЫКИНУ"

За долгую жизнь в искусстве я наслушалась о себе несчетное число всяких мифов, сплетен, легенд и небылиц, от которых могут завянуть не только уши. То Зыкина чуть ли не "враг (!) русской песни"; то ее "из партии (в которой никогда не состояла) выгнали по семейным обстоятельствам"; то "певица Людмила Зыкина скупил пол-Берлина во время вывода Западной группы войск из Германии"; то "Зыкина готовится открыть собственный ресторан в Москве... на свои средства"; то "хлестала с Фурцевой водку в бане...". И так далее в том же духе.

За несуществовавшую любовь к Косыгину мне перемывали косточки несколько лет подряд. И до сих пор эта байка ходит по Москве, дескать, было дело, чего уж там скрывать, все знают. Что было? Да ничего! Чесать языками попусту мы наловчились, это мы умеем. И потому нет таких нелепиц, которые не нашли бы своих приверженцев. Мне кажется, заблуждаются люди оттого, что воображают себя знающими. Вероятно, поэтому тысячи путей и ведут к небылице, к истине же — только один. А она такова. Была на дне рождения у Бори Брунова и там познакомилась с дочерью Косыгина Люсей и ее мужем. С ней мы потом довольно часто встречались на всевозможных торжествах и по праздникам. На одном из таких вечеров Косыгин, подняв бокал с шампанским, произнес: "У нас в гостях Людмила Зыкина. Я очень люблю ее песни. Давайте выпьем за нее, за ее замечательный голос, за ее творческие успехи".

Вскоре умерла жена Алексея Николаевича, и я была на похоронах, принесла цветы. Тем временем слухи о симпатии Косыгина к моей персоне уже попользались, разрастаясь вглубь и вширь, и на приеме в честь Жоржа Помпиду Брунов, между прочим, сказал Косыгину, что молва считает Зыкину его, Косыгина, тайной женой.

— Ну что же, — отвечал Алексей Николаевич, — молва — плохой гонец и еще худший судья. Хорошо еще, что подобрала мне молодую, да еще Зыкину. И когда Косыгин проходил мимо меня, он вдруг неожиданно спросил: — Ну, как успехи, невеста? — Грех жаловаться. — Вас не шокируют сплетни? — Нет, что вы. Наоборот. Через несколько дней я уехала на гастроли в Чехословакию. На вокзале меня встречали с охапками цветов, как принцессе или знаменитости первой величины. Я недоумевала, растерянно глядя по сторонам. "В чем дело? Не путают ли меня с кем-то другим?" — залавала себе вонючку, не находя на них ответа. Внимание и почести мне оказывали повсюду на протяжении всех четырех недель моего турне. И подарков понадарили уйму. Провожая в Москву, кто-то из руководителей страны приветливо, с улыбкой на лице напутствовал:

— Передайте привет Алексею Николаевичу!
— Какому Алексею Николаевичу?
— Как какому? Косыгину...
— Обязательно передам, если увижу.
— А как вы его не увидите?
— Очень просто. Мы встречаемся редко. Я же не член правительства, а всего лишь артистка.
— А разве вы не его жена?
— Нет, не жена.

По-моему, я многих тогда огорчила и расстроила. Когда вернулась домой, стала продавать привезенные подарки, что позволило мне расплатиться за первую в жизни дачу. Ходила такая счастливая. Наконец-то есть дача! В Опалихе, недалеко от железной дороги. И подъезд был хороший, и климат сухой мне нравился, и яблоньки в саду молодые... Судачили досужие кумушки и о моих якобы дружеских отношениях с Н. С. Хрущевым. А всего-то лишь один только раз виделась с ним на его юбилее в Георгиевском зале Кремля. Я пела в сопровождении Шалаева и Крылова "Течет Волга" и в конце песни, обратившись к нему, пропела: "А вам 17 лет". На что Хрущев, повернувшись к окружающим с довольной улыбкой на лице, заметил: "Вот Зыкина сказала, что мне 17 лет и можно еще работать и работать вместе со всеми вами!" Правда, не удалось ему поработать "вместе со всеми" — вскоре его сняли, о чем я и услышала, будучи на гастролях в Америке.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА

С Фурцевой нас тоже соединяли и разделяли по всякому поводу и без повода, выдвигая аргументы один нелепее другого. Боже мой, сколько же грязи вылито на покойного министра культуры СССР, занимавшего важный государственный пост целых четырнадцать лет! Какими только уничижительными и оскорбительными эпитетами не награждали ее иные авторы книг и статей, вышедших после ее смерти: и наркоманка, и неграмотная дура-баба, и пьяница, и психопатка, и еще не знаю какая — словом, лидер "уничтоженной, поработанной культуры", как утверждает один из нынешних театральных критиков...

"Если бы не энергия Екатерины Алексеевны, — говорил на ее похоронах Евгений Евтушенко, — песня на мое стихотворение "Хотят ли русские войны" никогда бы не увидела свет. Обвиняли в нацизме". Воля и настойчивость Екатерины Алексеевны способствовали развитию театра "Современник". По ее инициативе началось строительство Театра им. Моссовета, Театра оперетты, реконструкция Театра им. Маяковского. С благословения Фурцевой возник Театр на Таганке и во главе его встал Ю. П. Любимов. Поддерживала она и Ленком, добиравшись присуждения его коллективу Государственной премии. При ее содействии началась реконструкция архитектурного ансамбля "Царицыно". Талант ее сказывался во всем, в том числе и в умении общаться с творческими людьми, натурами порой слож-

ными, противоречивыми, своеобразными. Она, например, буквально боготворила Г. Вишневскую, поддерживала певицу, чем могла. Помогла ей в присвоении звания народной артистки СССР, давала рекомендации в зарубежные поездки, тогда как другие ждали годы; в 1971 году подписала представление о награждении ее самым высоким орденом страны — орденом Ленина (в компании с И. Архиповой и А. Огнинец-вым). Да мало ли замечательного для культуры и ее деятелей сделала Екатерина Алексеевна. Только по злому умыслу или из конъюнктурных, шкурных соображений люди могут осквернять память о Фурцевой.

...С Екатериной Алексеевной я познакомилась в начале 60-х на декаде искусств Российской Федерации в Казахстане, куда она прилетела во главе делегации... Я очень стеснялась ее, особенно первое время, да и потом мы никогда не были в приятельских отношениях, как это представляется некоторым авторам — хулиателям Фурцевой. Мы с ней были разного возраста, и она мне своего сокровенного никогда не доверяла, я же с ней могла посоветоваться о чем-то, но никогда о чем-либо значительном не просила. Я всегда держала дистанцию во взаимоотношениях, поскольку она была для меня очень большим, государственным масштаба человеком. Я и сейчас прекрасно знаю свое место, всегда и везде, и потому границ доверия нигде не переходила и не переходжу. Фурцева никогда не пыталась кого-то обидеть, а если такое вдруг случалось, страшно переживала и обязательно извинялась за свою допущенную бестактность или ошибку. И сама старалась не вспоминать то, что приносило ей горечь.

Как-то Екатерина Алексеевна навещала в больнице мужа Н. П. Фирюбина и на лестнице встретила Жукова. Подошла к нему и сказала: "Георгий Константинович, простите меня, я очень плохо по отношению к вам поступила и постараюсь вину свою искупить". (В 57-м году по поручению Хрущева Фурцева проводила расследование "персонального дела" маршала и выступала против него на пленуме ЦК КПСС.) А Жуков говорит: "Катя, это такие мелочи, о которых не стоит вспоминать".

В 1964 году Ростропович лежал в больнице с кровооточающими венами. Фурцева буквально подняла на ноги всю столичную медицину в поисках каких-то дефицитных препаратов, чтобы ускорить выздоровление музыканта, не раз ездила к нему в больницу, подбадривала, ежедневно справлялась у врачей о состоянии здоровья Славы. Однажды она обратилась ко мне с просьбой поехать вместе в больницу, где лечились А. Тарасова и Г. Отс, известные всей стране артисты.

— Я с удовольствием поеду, только удобно ли?

— Удобно, удобно, — отвечала Екатерина Алексеевна.

— Надо за цветами заехать.

— У меня уже есть цветы.

Но я все равно купила еще два превосходных букета, и мы отправились в клинику. Если бы кто слышал, с какой теп-

лотой говорила Фурцева обоим таким нужным, добрым, "высказывающим" слова! Я слушала, и у меня слезы навертывались на глаза.

Она была красивой женщиной, постоянно за собой следила. Играла в теннис, бегала, каждый день делала гимнастику. И меня не раз упрекала за то, что я начинала полнеть: "Певица вашего уровня должна быть точной!" Она сама умела ухаживать за собой: и лицо, привести в порядок, и причесаться. У нее были очень красивые шиньоны! На работу — один, на банкет — другой, и всегда все выглядело безупречно. Туфли носила только на каблучках. Одевалась с большим вкусом — в этом ей помогала Надя Леже, с которой Екатерина Алексеевна много лет дружила. Некоторые модели ей сделал Слава Зайцев.

В часы отдыха она любила порыбачить (была азартным рыболовом), любила попариться в бане, понимала в этом толк. Любила рыбец под пиво, редко когда принимала рюмку водки. И я никогда не видела ее пьяной. В баню всегда ходили втроем: Екатерина Алексеевна и две женщины, ее давние знакомые, кажется, инженеры. С моей приятельницей Любой Шалаевой мы посещали Сандуны и, не помню точно, в каком году, примкнули к этой троице — Люба, как оказалось, была знакома с Фурцевой. Судьбе было так угодно, что и последняя наша встреча, накануне ее смерти 24 октября 74-го года, состоялась в бане. В половине седьмого разошлись. Я пошла домой, готовиться к поездке в Горький, там мне предстояло выступать в концерте на открытии пленума Союза композиторов России, Екатерина Алексеевна в этот вечер должна была присутствовать на банкете в честь юбилея Малого театра. После банкета Фурцева мне позволила, голос такой тихий, усталый. "Люда, — говорит, — я вам что звоню: вы же сами за рулем поедете. Пожалуйста, осторожней!" Узнав о том, что Н. П. Фирюбин еще остался в Малом, я спросила, не приехать ли мне к ней. "Нет-нет, я сейчас ложусь спать", — ответила она. На этом наш разговор окончился.

В пять утра я уехала в Горький, а днем мне сообщили о ее смерти. Я тут же вернулась. До моего сознания случившееся не доходило, и спрашивать ни о чем я не стала. Мне сказали, что у нее что-то с сердцем... Я знала о том, что у них с мужем были какие-то недолгие, в последнее время они вечно ссорились. Но что дойдет до такой степени, даже не предполагала.

С сокращениями.
Подзаголовки даны редакцией.